

ДВОРОВЫЕ: ВОЗЗРЕНИЯ НА ХАРАКТЕР ПОМЕЩИЧЬЕЙ ВЛАСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В ДЕРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД*

И. А. ШЕЕНКО

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: irusik2301@yandex.ru

В статье рассматривается специфика социальной психологии дворовых в дореформенный период в границах помещичьей усадьбы. Проводится анализ представлений о помещичьей власти и социальной сути подчинения, выявляются их особенности. Это делает возможным выяснить, какие качества помещика они считали добродетелью или пороком помещика.

Ключевые слова: помещики, дворовые, воззрения, дореформенный период.

Как известно, представители крестьянского сословия Российской империи составляли три основные категории: помещичьи, государственные и удельные. В свою очередь помещичьи крестьяне подразделялись на кто, непосредственно занимался работами на земле, принадлежавших поместному дворянству, и дворовых, в обязанности которых входило обслуживание барского дома и двора. В отличие от крестьян, дворовые вели совершенно иной образ жизни, имели более тесную эмоциональную связь с помещиком, потому что наиболее близко находились к господам. По этим причинам у дворовых сложилось свое мировоззрение, представления о помещичьей власти, о «правомерной» с их точки зрения жизни в рамках усадьбы, сформировался социально-психологический образ помещика. На этом основании представляет интерес анализ социальной психологии дворовых крестьян в контексте жизненных реалий в барской вотчине. Это позволит выявить крестьянские воззрения о характере власти и социальной сути подчинения в дореформенный период, другими словами, что в их сознании ассоциировалось под достоинствами и недостатками помещика.

Согласно X ревизии, проведенной в 1857-1858 гг. количество дворовых в России равнялось 1467 378 душам обоюбого пола, что равнялось 7,2 % к общему числу помещичьих крестьян¹. Штат дворовых пополнялся за счет найма, перевода с земель, привлечения к работам родственников уже имеющейся прислуги. Среди наименований дворовых можно выделить такие как – горничные, кормилицы, кучера, лакеи, кухарки, казачки, камердинеры, ливрейные слуги, стремянные, форейторы. Содержание работ и занятий было весьма разнообразным: работа по дому, саду, готовка пищи и заготовка припасов, присмотр за детьми, некоторые ремесленные работы (пошив одежды, обуви), содержание скота, выполнение мелких поручений, ведение хозяйственных вопросов, транспорт, прислуживание во время обедов и т. п.². В редких случаях, когда наступала жаркая пора уборки урожая, в отдельных имениях на поля выгоняли и дворовых.

Мышление дворовых крестьян в дореформенное время характеризовалось целым рядом специфических черт. Довольно часто, они всю жизнь посвящали служению барским семьям и не создавали собственные. Это было связано с тем, что в основном, они жили в помещичьем доме, имели совместный быт. Конечно же, это не могло не сблизить их с господами. Типичный портрет такого преданного крепостного слуги, который, скорее всего, встречался в каждом помещичьем доме, можно встретить в повести К. Бабикова «Детские годы в деревне»: «Василий представлял тот, всем известный, тип старинных слуг, для которых не существовало поговорки: «не можно против рожна прати»! Вы-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых – кандидатов наук, проект № МК-843. 2012. 6.

¹ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 15.

² Черкашина О. Н. Некоторые аспекты социально-экономического положения дворовых крестьян в России второй половины XIX-начала XX века // Белгородская область: прошлое, настоящее и будущее: материалы областной научно-практической конференции, Белгород, 22 декабря 2010 г. в 3 частях. Ч. 1. / Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова. Белгород, 2011. С. 278.

красть ли у кого девку, отомстить ли непокорному соседу, – единым духом совершали сорванцы. Крикнет барин: «Васька, топись! Перекрестится Васька, и нисколько не размышляя о том, зачем понадобилась барину смерть, бултыхнется в воду»³. Похожий крестьянский образ встречается в воспоминаниях Н. С. Лескова, писатель рассказывает о крепостной девушке Дуняше: «Так она «приблизилась к дворянству» при жизни и не отделилась от него и после смерти. На аристократическом кладбище Александро-Невской лавры (влево от церкви) есть недавно насыпанная могилка под белым крестом, на котором начертана короткая, но очень теплая надпись «верная слуга Дуняша». Это она, и место упокоения чистому телу Дуняши среди вельможных людей устроила ей благодарная любовь детей вынужденной ею дворянки; она же и сочинила ей такую хорошую надпись»⁴. Дворовые крестьяне, будучи приближенными к помещику, полагали, что они обязаны верно служить своим господам, а те, в свою очередь, обязаны «опекать» их. В этом смысле показательна сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Рождественская сказка»⁵, в частности, сцена, когда Сережа – барский сын спрашивает у своих слуг-крестьян о значении правды в жизни, и вот как они говорят о помещичьих добродетелях: «А по-нашему так: коли господа добрые, жалостливые – это их правда. А коли мы, рабочие, усердно господам служим, не обманываем, стараемся – это наша правда»⁶. Также есть основание думать, что часто такой патронаж понимался превратно. В этой связи, любопытна характеристика дворовых, которую дал русский философ, историк К. Д. Кавелин в статье «Записка об освобождении крестьян в России»: «Они охотно предаются лени и тунеядству, в этой мысли, что если у них не достанет хлеба, падет скот, сгорит изба, то барин обязан им дать все это»⁷.

Конечно же, в глазах дворовых барская забота и доброта ассоциировалась со щедростью. Нередко, видя возможность, они применяли ухищрения, чтобы лишний раз получить подачку от помещика. В повести Г. В. Кугушева «Корнет Отлетаев» имеется интересный эпизод, описывающий, как дворовые относились к барскому сыну Сереже: «Сережа, будучи двенадцати лет, имел свой штат людей, своих лошадей, свои экипажи, даже свои карманные, значительные деньги, которым не знал цены и тратил их без пользы и дела. Дворня обирала его: всякая лесть стоила денег, всякое наущничанье приносило барскую милость, лукавые горничные выманивали у Сережи мелочь на пряники и орехи, а между тем, то и дело твердили, что уж лучше его и на свете нет, что уж такого молодца, как Сергей Васильевич, только в сказках встретить можно, и многое другое»⁸.

Близкие, зачастую и дружеские отношения помещика и дворовых откладывали свой отпечаток на внешний вид, действия и ментальность последних. Дворовые всячески старались усваивать образ жизни помещичьего дворянства и подражали господам. В доказательство этому отметим статью философа, публициста и общественного деятеля Ю. Ф. Самарина «Два мнения по вопросу об отмене права помещика переводить дворовых, без их согласия в крестьяне», в которой автор говорит о том, что в его имении было 50 человек дворовых, бреющих бороду и носящих немецкое платье⁹. К тому же, вероятнее всего, дворовым хотелось сократить социальную дистанцию. «Близкий» к народу помещик, по всей видимости, очень ценился в среде дворовых. В отрывочных воспоминаниях «Родные места» С. Т. Славутинского содержится примечательная информация о данной добродетели князя Любецкого (псевдоним, писатель не раскрывает настоящей фамилии¹⁰): «Князь довольно часто играл в «бабки» со своими дворовыми и даже с крестьянами. Конечно, он делал это не из желания популяризовать, а только для «моциону», а меж-

³ Бабинов К. Детские годы в деревне // Русский вестник. 1861. Т. 33. С. 397.

⁴ Лесков Н. С. Дворянский бунт в Добрыньском приходе // Исторический вестник. 1881. Т. 4. С. 359-360.

⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. Л., 1988. С. 185-195.

⁶ Там же. С. 189.

⁷ Кавелин К. Д. Записка об освобождении крестьян // Собрание сочинений К. Д. Кавелина Т. 2. СПб., 1898. С. 31.

⁸ Князь Кугушев Григорий. Корнет Отлетаев // Русский вестник. 1856. Т. 3. С. 515.

⁹ Самарин Ю. Ф. Два мнения по вопросу об отмене права помещика переводить дворовых, без их согласия в крестьяне // Сочинения Ю. Ф. Самарина. Крестьянское дело с 20 ноября 1857 по июнь 1859 года. Т. 3. М., 1885. С. 188.

¹⁰ Прим. авт.

ду тем простая забава как-то сближала его с народом, как бы приравняли его на некоторое время ко всякому простому человеку; вот это-то и не ушло от простодушного наблюдения, осталось надолго в памяти забывчивого на зло нашего народа»¹¹. Кроме этого, дворовые приобретали даже «барскую» спесь, которая раздражала остальных крестьян и некоторых дворян. Так, К. Д. Кавелин в своем очерке «Слуга», видимо, ссылаясь на собственный опыт, пишет о том, что «существовало давнее правило не водить дружбы с лакеем, не фамильярничать с ним, потому что лакей тотчас же зазнавался и возмечтал, что он равен с бариним»¹². Но не только помещики, также и дворовые, может быть не всегда явно, но воздействовали на своих господ. Как считает писатель В. Ржевский, «дворовые представляли собой древний родовой союз и, пользуясь всеми преданиями бывалых ухищрений, всегда устраивали дело так, что все, что бы вы не предпринимали противное их видам и желаниям, было вам в убыток, а все, что вы делали по совету одному из них, в особенности по внушениям начальников их союза, сопровождалось удачей. Опека, в которой они держали помещиков, была неуловима, но чрезвычайно сильна»¹³.

Преимущественно дворовые негативно относились к крестьянам. Стоит отметить, что часто притеснения крестьян происходили не от самого помещика, а от назначенного им управляющего, в особенности, если такие управляющие были их дворовыми людьми. По словам деятеля крестьянской реформы А. П. Заблоцкого-Десятовского, «нечего говорить об имениях, управляемых дворовыми, здесь власть произвольная передается человеку грубому, необразованному и весьма часто потому только, что он известен жестокостью своего характера, умеет держать мужиков в руках»¹⁴. В свою очередь Ю. Ф. Самарин по этому поводу отмечал, что «дворовые презирали крестьян и почти всегда были готовы служить орудием помещичьего произвола, а крестьяне не терпели их и называли дармоедами и белоручками»¹⁵. Видимо, этот внутренний крестьянский конфликт был действительно актуальным, что даже получил отражение в устном народном творчестве. Примером служит отрывок из песни «Ох, хорошо житье лакеям», в которой указывается лучшая доля дворовых, прослеживается крестьянская зависть:

«...Ох, хорошо житье лакеям.
На боярском на дворе!
Они пашенки не пашут.
И оброка не дают.
Ох, они пашенки не пашут.
И оброка не дают,
И оброка не дают,
Косы в руки не берут...»¹⁶.

Заслуживает внимания тот факт, что среди дворовых чаще, чем у других крестьян встречались грамотные, что также не могло не отразиться на взаимоотношениях с помещиком. Судя по всему крестьянское отношение к помещику, который ратовал за их образование, было двояким. Эту мысль подтверждают воспоминания помещиков и художественные произведения современников. В первом под названием «Дед мой помещик Щербин» от лица внука рассказывается о том, что дворовые деда были грамотные и знали разные ремесла. В штате дворовых людей были садовник, кузнец, живописец, часовщик. Эти навыки служили каждому из дворовых средством личных заработков. Он акцентирует внимание на том, что по этой причине они мирились с бесконтрольной помещичьей властью. «Дворовые считали, что она все-таки вознаграждается его деятельною рачительностью об их пользе»¹⁷. Здесь стремление обучить своих крепостных крестьян

¹¹ Славутинский С. Родные места (из отрывочных воспоминаний) // Русский вестник. 1880. Т. 147. С. 220.

¹² Кавелин К. Д. Слуга // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 2. СПб, 1898. С. 1190.

¹³ Ржевский В. Обработка земли вольнонаемными рабочими // Русский вестник. 1862. Т. 37. С. 808.

¹⁴ Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки истории крепостного права в Рязанской губернии. Рязань. 1903. С. 131.

¹⁵ Самарин Ю. Ф. Два мнения по вопросу об отмене права помещика переводить дворовых, без их согласия в крестьяне // Сочинения Ю. Ф. Самарина. Крестьянское дело с 20 ноября 1857 по июнь 1859 года. Т. 3. М., 1885. С. 184.

¹⁶ Русская народная песня «Ох, хорошо житье лакеям». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://a-pesni.org/bezzem/ohhorlakejam.htm>.

¹⁷ Сто один. Дед мой помещик Щербин (из записок человека) // Русский вестник. 1875. Т. 120. С. 71.

рассматривалось как проявление заботы о них, такой помещик для них казался человеком с «милостивым» характером. Совсем иная картина показана в романе Ф. Толстого «Болезни воли». Молодой помещик князь Пронский во избежание тунеядства собирал взрослых дворовых по вечерам и заставлял слушать назидательные речи. И вот как проиллюстрирована крестьянская реакция на подобные помещичьи действия: «Кажется, нововведения эти не имели ничего дурного по себе, а между тем они произвели сильное волнение в вотчине, стали поговаривать, что у меня ум за разум заходит»¹⁸. В последнем отрывке четко просматривается пассивность и несерьезность дворовых в отношении образования. Они не видели для себя никаких перспектив, потому они надеялись на постоянное обеспечение за счет средств барина.

Многие дворяне в своих воспоминаниях немаловажную роль в своей жизни отводят дворовым людям, что еще раз подтверждает, что между ними существовала особая психологическая атмосфера. К примеру, В. И. Сафонович¹⁹, А. К. Лелонг²⁰ рассказывают, что они, будучи детьми, играли с крестьянскими мальчишками и девочками. Как они считают, данное общение способствовало их сближению с крестьянским народом, развитию их физических и нравственных способностей. Понятно, что социальная дистанция все же присутствовала. Так, Я. Полонский отмечает: «Мальчишки, которые со дня рождения своего не видали никакой господской ферулы, обращались со мной за панибрата. Один из них, рыжий и веселый, показывал мне язык или по-дружески бил меня по плечу. Меня как бы тянуло к ним и в то же время конфузило или коробило их такое вольное обращение. Во мне просыпался барчонок, требующий к своей личности как бы некоторой субординации или уважения. Конечно, это чувство, которое не раз закрадывалось в мою душу, я ни чем не обнаруживал, так как оно было инстинктивно, и я сам не знал – хорошее ли это чувство или дурное. Во всяком случае, оно было простительно для мальчугана, выросшего среди крепостных и даже на себе не раз испытавшего их рабское растлевающее подбострастие»²¹. Известный беллетрист П. Д. Боборыкин, который происходил из очень древнего помещичьего рода, в своей книге «За полвека. Воспоминания» признает, что его «развивателями» являлись именно дворовые. Он полагал, что эти крепостные люди для него, и не только, были связующим звеном с деревней, с народом, проживавшем в ней²². Другой писатель дворянин В. В. Селиванов отдельно выделяет дворового человека Гаврилу Малафеевича, для которого господ были душою. Он называет его в лучшем смысле этого слова, «порождением крепостного права»²³. Часто можно встретить рассказы помещного дворянства о нянях, которые занимались их воспитанием. Например, Г. И. Филипсон в своих воспоминаниях с симпатией рассказывает о няне Авдотье Назаровне «Нянька моя была женщина очень неглупая; но, прежде всего добрая и любящая. Кротость ее и терпение были невероятны, я не помню не только грубого со мною обращения, но даже и того, чтобы она хоть раз повысила голос. Впоследствии она сделалась почти членом нашего семейства»²⁴. Одна из дворянок вспоминает, как она, очень любя свою няню, попросила своего деда дать ей вольную, помещик исполнил желание внучки. Но дворовая женщина не воспользовалась данной возможностью и осталась в барском доме»²⁵.

Как известно, в русских помещичьих домах штат дворовых был достаточно большой. Даже иностранцы с удивлением, писали об этом. Историк С. А. Князьков отмечает: «Иностранцы с удивлением смотрели на огромные дворни русских помещиков: «В других странах, – писал один, – такого числа дворовых людей, какое встречаем в русских помещичьих домах и представить себе не могут»²⁶. В воспоминаниях графа М. Д. Бутурлина встречается рассказ о помещице с большим количеством дворовых: «По старинному русскому помещичьему быту, при с. Знаменском числилось до 60 дворовых душ. У Елизаветы Ивановны было до семи, помнится мне молодых горничных девушек и две старухи-ключницы, между тем за нею и за ее дочерью ходили две девушки. Насмешники

¹⁸ Толстой Ф. Болезни воли // Русский вестник. 1859. Т. 23. С. 317.

¹⁹ Сафонович В. И. Воспоминания // Русский архив. 1903. № 1. С. 115.

²⁰ Лелонг А. К. Воспоминания // Русский архив. 1913. № 6. С. 787.

²¹ Полонский Я. Старина и мое детство // Русский вестник. 1891. Т. 214. С. 37.

²² Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. М., 1965. С. 22.

²³ Селиванов В. В. Предания и воспоминания. Владимир, 1901. С. 29-30.

²⁴ Филипсон Г. И. Воспоминания Г. И. Филипсона. // Русский архив. 1883. № 5. С. 77.

²⁵ Жить прожить не поле перейти (записки неизвестной) // Русский вестник. 1881. Т. 155. С. 121.

²⁶ Князьков С. А. Как сложилось и как пало крепостное право в России. Исторический очерк. М., 1904. С. 79.

утверждали, что у барыни было по одной отдельной горничной для всякой части ее туалета, в том числе, по одной на каждый башмак»²⁷. Даже сами дворовые, привыкшие к «такому правилу жизни» в поместье, сокращение крепостных людей считали неправильным, и, логично, что сам барин без многочисленной дворни воспринимался по иному. Данная «философия» была свойственна старому крестьянину из повести П. И. Мельникова «Старые годы»: «В старину – коли барин, так и жил барином, а нынче что?... Измельчало все, измалодушествовалось и важности прежней не стало. Видно последние годы мир стоит. Ведь скоро, сказывают, и свету конец... А уж измельчало-то все, уж так измельчало, так измельчало, что и сказать невозможно.

У барина, например, теперь не одна тысяча душ, а во дворе, каких-нибудь десять-пятнадцать человек – и дворней-то назвать нельзя. Псарня опять малая, ни музыкантов своих, ни песенников нет, а уж насчет барских барынь, шутов, карликов, арапов, скороходов, немых, калмыков. Я так полагаю сударь, что теперь, вряд ли где можно найти кучера, чтоб сумел карету цугом заложить»²⁸. Время действия этой повести 50-гг. XIX века. Как раз в это время начинается процесс выдачи отпускных дворовым крестьянам, усилившийся после отмены крепостного права. Все же, судя по всему главным мотивом, побуждавшим помещиков, являлось то, что дворовые часто не составляли какой-либо ценной рабочей силы, служили довольно тяжелой обузой, в особенности старики и малолетние, которых нужно было прокормить. Была и другая причина преимущественного отпуска на волю дворовых состояла в том, что последние ближе стояли к помещику и его семье, а потому они имели больше возможностей услужить господину, войти к нему в доверие и получить награду за свою верную службу. Однако это не всегда вызывало у благодетельственного лица чувства социального удовлетворения. А. А. Потехин в романе «Бедные дворяне», вышедшем в 1861 г., показывает душевные смятения вольноотпущенницы Прасковьи Федоровны: «Прасковья Федоровна ... была вольноотпущенная от помещицы деревни Мешкова, ее бывшая фаворитка, горничная, потом доверенная ключница и наперсница. Несколько времени назад, барыня отпустила ее на вольную, за ее продолжительную и верную службу, и отпустила не кое-как, не с пустыми руками: своим барщинным мужикам приказала она срубить для нее, даром, бесплатно избушку, на, я вам которую пожаловала тридцать бревешек из собственных дач; дочери дала из своего гардероба два поношенных ситцевых и одно почти новенькое шерстяное платье....

Прасковья Федоровна даже сначала огорчилась и несколько обиделась, когда барыня объявила ей, что намерена дать ей вольную.

– Что-й то матушка, не угодна, что ли, я вам стала? Говорила она со слезами на глазах.

– Нет, Параня, ты мне угодна, – я твоей службой довольна, – за то тебя и хочу наградить.

И Прасковья Федоровна приняла вольную только ради дочери»²⁹.

Между тем, такая близость с помещиком имела оборотную сторону медали. В подавляющем большинстве, дворовые находились в более тяжелом положении, нежели другие крепостные крестьяне. В их повседневной жизни отсутствовал систематический сельскохозяйственный труд. Проживая в господском доме или в так называемой «людской», они невольно находились под постоянным барским контролем, ежеминутно чувствовали гнет зависимости от его произвола. Услуги их, не требовавшие большой затраты умственных и физических сил, ценились низко: их называли «дармоедами», «лежебоками», «хлебогадами». Они лишены были всякой самостоятельности³⁰. Как пишет историк И. И. Игнатович их образ жизни, занятия изменялись в зависимости от личных вкусов и взглядов помещика и положение зависело также от изменений, происходивших в самом

²⁷ Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. № 7. С. 414.

²⁸ Печерский А. Старые годы // Русский вестник. 1857. Т. 10. С. 63.

²⁹ Цитата по: Шаповалов В. А. Шаповалова С. П. Трансформация представлений русского крестьянства о помещичьей добродетели в 50-90-е гг. XIX века. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 104.

³⁰ Нелидов Ф. Ф. Крепостная старина в художественной сатире Салтыкова (Щедрина) // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 4. М., 1911. С. 67.

ведении помещичьего хозяйства³¹. У автора научных работ по истории крестьянства В. И. Семевского мы встречаем описание главных отличительных черт дворовых людей: «Дворовый ничто иное, как первый шаг к чиновнику. Дворовой обриту, ходит в длинном сюртуке домашнего сукна. Дворовой служит потехой праздной лени и привыкает к тунеядству и разврату; дворовой же пьянствует и ворует, и важничает, и презирает мужика, который за него трудится и платит за него подушные»³². По существовавшему законодательству помещик отвечал за призрение и продовольствие своих крепостных крестьян, однако это нормативное предписание соблюдалось не везде. Согласно данным И. И. Игнатовича о снабжении пищей дворовых иногда так мало заботились, что встречались жалобы даже на голод. К примеру, пойманные беглые дворовые княгини Мансуровой (Нижегородской губерния) показали, что разбежались, «будучи не в состоянии переносить голод от мало выдаваемой госпожою пищи»³³. «Потребностью жизни» для некоторых помещиков и несчастьем для крестьян были физические наказания. Так, в статье В. Бочкарева «Быт помещичьих крестьян» говорится о нечеловеческих условиях, в которых приходилось жить дворовым у генерала Л. Д. Измайлова, известного свое жестокостью и других подобных помещиков³⁴. Весьма характерно показание одного дворового Ивана Лапкина, принадлежащего Измайлову. Он говорит «что, дескать, у него, Лапкина, почти в том только время и проходило, что он или других сек или его самого секли. Для барского камердинера Птицына редкий день проходил без какого-нибудь наказания. В течение двенадцатилетней его службы у Измайлова он был сечен розгами и плетью, по крайней мере, сто раз, а кроме этого, без счету его таскали за волосы, давали пощечины то за измятые чехлы на мебели, то за оставшиеся на полу следы от приведенных собак»³⁵. Несмотря на это, все же можно было встретить среди дворовых и крестьян защитников господской власти во всей ее полноте. Гоголевский Селифан или тургеневский буфетчик Вася (в рассказе «Два помещика»), которые решительно не видели для себя ничего зазорного в сечении розгами и спокойно признавали право барина подвергать мужиков телесным наказаниям³⁶. Это тот тип крестьян для которых подобная расправа была одной из существовавших в крепостное право нормой подчинения помещичьей власти. Безусловно, если она была в разумных пределах. Важным в отношении помещика и дворовых являлся брачный вопрос. Чтобы не допускать излишнего увеличения дворовых помещики нередко запрещали браки или сами решали, кто за кого выходит замуж или кто на ком женится. Естественно, что не всегда желание помещика совпадало с крестьянским, но это воспринималось, как должное. По данным некоторых исследований дворовые редко имели традиционно большие крестьянские семьи. Например, по Тамбовской губернии первой половины XIX века среди дворовых крестьян преобладали (65 %), супружеские пары с детьми и без, вдовы и вдовцы детьми составили (24 %), а большие семьи полностью отсутствуют³⁷. Русский публицист и историк Г. А. Джаншиев в своем исследовании «А. М. Унковский и освобождение крестьян» информирует читателя о вмешательстве помещика в личную жизнь своих крестьян: «У большинства помещиков принято за правило не допускать браков между дворовыми людьми. Говорилось прямо: раз вышла замуж девка, она уже не слуга, ей в пору детей родить, а не господам служить. А иные к этому цинично прибавляли: на них кобыл, и жеребцов не напасешься... С девки всегда спрашивалось больше, нежели с замужней женщины: и лишняя талька пряжи, и лишняя вершок кружева и т. д. Поэтому был прямой расчет, чтобы девичье целомудрие

³¹ Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 208.

³² Семевский В. И. Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. Крестьянский вопрос в царствование Императора Николая. СПб, 1888. С. 278-279.

³³ Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 212.

³⁴ Бочкарев В. Быт помещичьих крестьян // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 3. М., 1911. С. 27.

³⁵ Там же. С. 28-30.

³⁶ Сакулин П. Н. Крепостная интеллигенция // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 3. М., 1911. С. 67.

³⁷ Черкашина О. Н. Некоторые аспекты социально-экономического положения дворовых крестьян в России второй половины XIX-начала XX века // Белгородская область: прошлое, настоящее и будущее: материалы областной научно-практической конференции, Белгород, 22 декабря 2010 г.: в 3 частях / Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова. Белгород, 2011. Ч. 1. С. 279.

не нарушалось. Отсюда циничное выслеживание девок. Процедура выслеживания была омерзительна до последней степени. Когда улики были на лицо, начинался целый ад: насильственная отдача замуж за «гаденка и пр... И все это из-за лишней тальки пряжи, из-за вершка кружева...»³⁸. Необходимо отметить, что повсеместным явлением это не было. Тот же Г. А. Джаншиев указывает, что дворянин А. М. Унковский, придерживаясь благодушной политики своих предков, предоставлял крестьянам свободу действий во вступлении в брак³⁹. Так, в записках М. Д. Бутурлина он рассказывает о знакомой помещице Елизавете Ивановне, которая не запрещала своим дворовым крестьянкам выходить замуж⁴⁰. В продолжение темы следует сказать, что дворовые девушки чаще являлись жертвами помещичьего разврата, быть может, потому что они чаще попадались на глаза помещику, ближе находились к нему, чем крестьянские девушки. До чего доходил помещичий произвол в этом отношении показывают факты, данные в книге И. И. Игнатовича. К примеру, он пишет, что по следствию 1855 года помещик Оренбургской губернии Жадовский оказался виновным в растлении своих дворовых крестьянок, при чем некоторые из них за несогласие на прелюбодеяние наказывались розгами⁴¹.

Эти противоправные действия помещика естественным образом вызывали ненависть к нему. Бывали случаи, когда крестьяне устраивали самосуд над помещиком. Такой пример встречается у исследователя Рязанской губернии И. А. Повалишина. Так, в 1845 г. был убит поручик Терпский. Он имел буйный нрав, особенно в пьяном виде, имел любовную связь с дворовой Натальей Минаевой, муж которой знал об этом. Однажды Терпский приехал от гостей в пьяном виде, пригласил Минаеву на гумно, в ригу; муж ее Антипов пошел следом за ними и, пришел туда, начал Терпского бить палкою, а жена кулаками. Избивши его до смерти, отвезли под мост, где и привязали веревкою. – Сенат приговорил Антипова к лишению всех прав состояния и к наказанию плетью через палача 100 ударами, и, по наложению клейм, в ссылке на каторжную работу в рудниках без срока. Минаевой же назначил тоже наказание, но без наложения клейм, и с производством работ на заводах⁴². В. И. Семевский приводит примеры, когда дворовые избивали, травили помещиков, поджигали их дома: «В 1843 г. дворовые капитана Шлихтинга Новгородской губернии высекли своего господина розгами, заставив его притом дать отписку об отпуске их всех на волю. В 1848 г. трое дворовых пензенской помещицы кн. Еникеевой, придя в комнату ее мужа, нанесли ему около 20 ударов арапником, в чем сами сознались, добровольно придя в полицию и объяснив, что причиною было жестокое обращение кн. Еникеева и просили отдать их в военную службу. По той причине четверо дворовых малоархангельского помещика Акатова высекли временным арапником и также добровольно заявили об этом жандармскому штаб-офицеру»⁴³.

Взаимоотношения бар с дворовыми, а именно их отрицательную сторону, возможно проследить и в народном фольклоре, в частности в сказках и песнях. Например, сказки о кучере и помещиках, где первый оказывается хитрее своего хозяина и постоянно обманывает его. В первом случае, это история о барыне, которая заставила своего крестьянина-слугу высидеть вместо курицы сорок цыплят с условием, что они должны быть обязательно черного цвета. Вся ненависть кучера к своей барыне выразилась в следующих словах: «Вот проклятые господа! Всю шею нам объели, хоть бы все околели!»⁴⁴. Наивный барин описан в интересной сказке «Алеша – тюк-тюрю-рюк»⁴⁵. Кучер, благодаря своей находчивости, проезжая через муравейники, чтобы якобы спасти барина от муравьев, посадил его в мешок для того, чтобы избить его плеткой, а глупый барин, подумал, что его так покусали муравьи, похожий сюжет у сказки «Сказка о барине и Петруш-

³⁸ Джаншиев Г. А. А. М. Унковский и освобождение крестьян. Историко-биографические справки. М., 1894. С. 17.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. № 7. С. 414.

⁴¹ Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 213-214.

⁴² Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Очерки истории крепостного права в Рязанской губернии. Рязань. 1903. С. 282.

⁴³ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века. Т. II. Крестьянский вопрос в царствование Императора Николая. СПб, 1888. С. 582.

⁴⁴ Ерп Ерпович. Русские сатирические сказки. М., 1989. С. 102-103.

⁴⁵ Худяков И. А. Великорусские сказки. Великорусские загадки. Выпуск 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ru-skazki.ru/khudyakov-great-russian-tales-content&p3.html>.

ке»⁴⁶. В этих сказках видны крестьянская апатия и месть крестьян-слуг по отношению к своему барину. Беспечность барина показана и в сказке «Про нужду», здесь дается описание барина, который даже не знал значение слова «нужда», и мужик, воспользовавшись этим, обманывает барина, говоря, что «нужда» в поле растет. Поверив этой небылице, барин с кучером выезжают в поле, для того, чтобы искать «нужду», в итоге, так и не поняв, что же такое нужда⁴⁷.

В песне «Плач холопов» подробно изображен день дворового, видны их претензии к своим господам, приведем небольшой отрывок:

«Как холопам на господ не сердиться?
Я думаю, скоро с досады станут беситься.
Чистую рожь купцам всю продают,
А нам уж, как свиньям, невейку дают.
Несытые господа и в пост мясо едят,
А холопам и в мясоед пустые щи варят...»⁴⁸.

Таким образом, в дореформенный период подавляющая часть дворовых осознавала тесную связь своей судьбы непосредственным отношением помещиков к ним. Дворовые крестьяне относились с уважением к барскому социальному статусу, поэтому всячески подражали помещикам. «Правильная» барская усадьба в крестьянских представлениях должна была быть с большим числом дворовых людей. В силу традиционного крестьянского мышления и функционировавших определенных норм поведения в границах отдельно взятой помещичьей усадьбы, дворовые признавали такие помещичьи добродетели, как доброта, гуманность, заботливость, щедрость, жалостливость. Многие из крепостных крестьян не осознавали цены свободы и самостоятельности, потому что они тешили себя надеждой на пожизненное содержание за счет барина. Для дворовых первостепенное значение имела материальная поддержка своего хозяина, особенно им ценилась щедрые подачки от помещика. Это объясняет то, что попытки помещика обучить их каким-либо навыкам вызывало их равнодушие и непонимание. Однако, были крестьяне, которые, уделявшего внимание их образованию помещика, наделяли качествами заботливого хозяина. Но не только материальная сторона взаимоотношений с помещиками, но и духовная была значима для дворовых крестьян. В крестьянском сознании барин, готовый соприкоснуться с их миром, стать ближе к ним, считался добродетельным человеком. Причиной крестьянского недовольства в помещичьей вотчине, в основном, были различного рода притеснения крестьян, чрезмерное вмешательство в личную жизнь, нарушение субординации в отношении женщин. Крайним проявлением агрессии дворовых к помещикам были их убийства, увечья. Таким образом, институт крепостничества как исторический этап в крестьянской жизни сформировал специфику социальной психологии дворовых людей. В их сознании от наличия и характера барских добродетелей зависела их жизнь в барском имении.

HOUSE-SERF: VIEWS ON THE CHARACTER OF LANDLORD AUTHORITY IN EUROPEAN RUSSIA IN THE PRE-REFORM PERIOD

I. A SHEENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: irusik2301@yandex.ru

The article discusses the specifics of social psychology of house-serf within the boundaries of pre-reform period landlord house. Analyzes the concepts of power of the landlords and social subordination fact, identifies their features. This will make it possible to find out what qualities they considered landlord virtue or vice landowner.

Keywords: landlords, house-serf, views, pre-reform period. .

⁴⁶ Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.booksite.ru/ancient/mode/culture_04_31.htm.

⁴⁷ Русские народные сказки. Барин и мужик. М., 1932. С. 117-119.

⁴⁸ Бродский Н. Л. Крепостное право в народной поэзии // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 4. М., 1911. С. 14.